

18+

MATERIAL
Алексей Бахаров

Алексей Базаров

Материя

«Издательские решения»

Базаров А.

Материя / А. Базаров — «Издательские решения»,

Всё вокруг — материя. Такая разная, но всё же единая. В материи всё наше бытие. Впрочем, сознании тоже. Это небольшое повествование о целой жизни. Для кого-то чужой, для кого-то своей. О нашей жизни.

© Базаров А.

© Издательские решения

Материя

Алексей Базаров

© Алексей Базаров, 2026

ISBN 978-5-0070-7745-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сначала я был тканью. Несведущие люди почему-то называют это материей. Но я всегда знал, что это — ткань. Материя — понятие неконкретное, размазанное. Это всё. Всё вокруг. На что ни посмотри — материя. Что ни возьми — материя. Даже воздух, который никто и взять-то не может. А ткань — это же совсем другое дело. В это вложено столько труда. Попробуйте сплести из хрупких невесомых нитей нечто ровное, тонкое и прочное. Ничего у вас не выйдет. Точнее, может быть и выйдет, но не совсем ровное, не очень тонкое или совсем не прочное. Так может только машина. Умная машина. Стальная и сверкающая. Я, конечно, помнить не могу, на какой машине меня сделали, но думаю, что она обязательно была стальная и сверкающая. И ещё она наверняка была совершенно автоматическая, для чего к ней был приставлен целый электрический шкаф.

Своё дальнейшее пребывание я тоже не помню. Первое, что я действительно могу припомнить, так это то, как с хрустом, уверенно и размеренно двигались по столу ножницы, когда меня выпустили на свободу. Легко распластавшись на столе, было чудно ощущать истому в теле после душной тесноты и спёртости. Там, на столе я впервые стал получать ощущения. И хотя они весьма смутны и туманны, я помню как мягко и совсем не больно проходила сквозь меня иголка. Остриё у неё не острое-острое, как многие думают, а слегка затупленное. Поэтому она не прокалывает тонкие ниточки, а нежно, но настойчиво раздвигает их. И от прохода этой иголки появляется сила и уверенность в завтрашнем дне, потому что оставляет она за собой ещё одну, но уже крепкую и прочную нитку. К этой нитке пронизываешься любовью и уважением, поскольку именно изгибы её пути придают тебе ту неуловимо неповторимую форму, которая и является твоей индивидуальностью. Да, много ощущений и переживаний проходит, пока ты множеством раскроенных деталей пройдёшь по разным машинкам, каждая из которых владеет только одним швом, но делает это безукоризненно. Но вот чувство цельности, законченности и значимости приходит только тогда, когда втачены подплечники, пришиты все пуговицы и сделана самая главная и приятная процедура. Никогда в жизни больше не доводится испытать такого. Огромный уют, пронизывая тебя струёй пара до самой подкладки, так пропаривает и разглаживает тебя до самой мелкой ворсинки, что после этого чувствуешь заряд энергии на длинную и полную впечатлений полноценную жизнь.

Я был рождён пиджаком. В смысле, я им, конечно, и остался. Просто, мог бы родиться кем-нибудь ещё. Брюками, например, или жилеткой. А может быть ещё чем-нибудь. Это, конечно, не важно, потому что все нужны и все важны. Но в конечном итоге именно это и важно, потому что именно это и определяет степень твоей важности и значимости. Вот Жанна, например, больше всего уважала пиджаки. Ну ещё галстуки тоже. И хотя всем понятно, что без пиджака из дома выйти можно, без галстука — тоже, а вот без брюк — уже никак, всё-таки брюки — это не то. Вся стать, вся осанка, весь характер — в пиджаке. А брюки, что они? Они не имеют той жёсткости характера, что есть у пиджака. И с индивидуальностью у них похуже. Да честно говоря, их и не видно-то из-под пиджака наполовину. Галстук — это да, штука важная. Но всё-таки не вещь, а аксессуар. А жилетки Жанна вообще не любила. Столько фарсу! А

функциональности никакой. А когда в порыве судорожно начинаешь быстро-быстро расстёгивать всё это несметное количество пуговиц, хочется разорвать её и заплакать от бессилия.

Жанна знала толк в вещах. Поэтому она надела меня на самый главный манекен в магазине. В комплект мне подобрали чёрные брюки. Это был тот глубокий чёрный цвет, который в ярком весеннем солнце блещет матовым отливом всех цветов, оставаясь при этом истинно чёрным. В сочетании с моим золотым он был великолепен. Мой цвет, конечно же, не золотой. Это было бы пошло и годилось бы только для циркачей. Он жёлтый, но в нём столько оттенков бежевого и коричневого, что жёлтым его никак назвать нельзя. И конечно же, он не бежевый и тем более не коричневый. Хитрое сплетение нитей многих оттенков создают не только замысловатый, еле уловимый рисунок, но и такой же неуловимый цвет. А на ощупь моя ткань гладкая. Даже не гладкая, а ровная. Такой гладкой, чтобы рука соскальзывала и чувствовала холод, она быть не может. В ней много шерсти. А полиамида немного. Без него тоже ведь нельзя. Без него как? Никак. Всё быстро вытрется и станет в катушках и зацепках. В общем, ткань моя ровная, приятная на ощупь, от неё веет теплом, и струится сверху вниз она прямо, свободно и спокойно.

Галстук Жанна подобрала в тон мне. В нём были все те же цвета, что и у меня, но ярче. Рисунок также был более внятным. Правда, что нарисовано всё равно нельзя было сказать. Он получился темнее меня, и его глянец в разное время суток отливал совершенно разными цветами. В свете полуденного весеннего солнца это были отблески благородного белого золота. Когда в проулке между домами заходило солнце — это был оттенок бурого, который художники называют охрой. А в свете ночной рекламы — глубокий синий, и даже фиолетовый.

Магазин наш находился в самом центре города — на Тверской. Он имел изысканно строгий стиль, и в нём продавались только костюмы, только мужские и только самые-самые отборные. Наблюдая через окно витрины на массу прохожих, протекающую мимо, видно было, что не каждый из тех, кто хочет зайти, решается на это. Потому-то у нас всегда было малоллюдно и спокойно. А процесс выбора протекал неторопливо и основательно. А часто, особенно по утрам, бывало такое, что посетителей и вовсе не было. Тогда Жанна начинала нас холить и лелеять. Дольше всего она задерживалась около меня. Меня она любила больше всего. Она припадала ко мне щекой, а рука её скользила по моему плечу и рукаву. Могла простоять так долго-долго. Она вдыхала мой запах, и тело её обмякало до прерывистости в дыхании. Запах этот, надо сказать, действительно особенный. Принято считать, что это запах краски. А ведь это не так. Безусловно, запах краски есть. Но краска разных цветов, а это уже — букет. К тому же, он совсем не доминирующий. Значительно больше ткань набирается ароматов масла от множества машин, через которые она проходит. Запах машинного масла придаёт ей мужественности. Когда же всё это отфильтруется струёй пара и запечётся уютом, неповторимость аромата уже практически сформирована. Дальнейшие условия, конечно, вносят свои коррективы, но они уже не принципиальны. Я бы даже сказал, что они больше влияют на настроение. То, что я получил с рождения хороший заряд ласковым южным солнцем, во многом определило мой дальнейший жизненный настрой. А солнце там действительно ласковое. Наверное, это от дыхания мягкого, тёплого моря. Да и море это само по себе удивительное. Оно не только чистое, голубое и тёплое. Если верить названию, оно ещё и находится в самой середине земли. А в самой середине земли может находиться только самое лучшее море. Впрочем, я его и не видел-то толком. Но всегда чувствовал. Мне кажется, я его чувствую и сейчас...

Хозяин мой пришёл за мной утром, в 11 часов. То есть, пришёл он, конечно, не за мной, а вообще за костюмом, но я ему приглянулся сразу. Жанна, само собой, предложила не только меня. Он даже для приличия ещё что-то примерил. Но это было так, для приличия. В его глазах тоже конкурентов мне не было. Жанне, конечно, жалко было со мной расставаться. Укладывая меня для упаковки, она в последний раз провела своей мягкой, нежной рукой по рукавам, воротнику, нагрудному карману и ниже, а заворачивая хрустящий пакет даже шепнула:

«Возьми меня с собой...». Мне тоже было жалко расставаться с ней. А ещё эта фраза... Честно говоря, я в душе надеялся, что так и будет. Что мы не расстанемся. Что тёплыми сумеречными вечерами она будет брать меня под руку, прижиматься щекой к моему плечу, и мы будем гулять по просыпающемуся для ночной жизни городу.

Да... Жалко, что ничего этого так и не состоялось. Пожалуй, так как Жанна меня никто никогда не любил. Мужчины вообще не склонны любить вещи. А женщины, которые попадались мне на дальнейшем жизненном пути, даже если погладят, то в конце обязательно сделают вид, что смахнули пылинку или какой-нибудь волосок. А потом вообще сдёрнут и забросят куда-нибудь. Или сам хозяин снимет, не грубо, но без почтения. Правда, бросить он меня старался куда-нибудь в кресло или на диван, но не всегда получалось. Или сам соскользнёшь, не удержишься... А иногда вообще смешно: я — на диване, а они — на полу... Всяко было...

Хозяин мой был человек молодой и красивый. Приятно было облегать его стройную, крепкую фигуру. Хотя, «облегать» — неподходящее слово. Скорее, я располагался на нём свободно. При этом, нигде ничего не тянуло и нигде ничего не висело мешком. Можно было подумать, что когда меня шили, имели ввиду именно его. Ему было 27 лет. Возраст, как кто-то однажды сказал, «на пороге зрелости». Он приехал из Казани, и поэтому здесь у него друзей было мало. Позвал его сюда и устроил здесь работать какой-то родственник, по-моему — дядя. Он объяснил, что и как нужно делать, и снабдил необходимыми деньгами и связями. Вникнуть в суть чего-либо для Сани проблемы не составляло. Он закончил университет по какой-то жутко модной специальности. Способность запомнить длинное и чудное название этой специальности уже заслуживает глубокого уважения. А он не только помнил весь этот набор слов, но и понимал, что они означают.

Был Саня человеком спокойным и аккуратным. Он снимал квартиру в центре города. Квартира была однокомнатной, но просторной и хорошо обставленной. Единственное, что он купил сам — это диван. Если бы вам довелось его увидеть, пощупать или, тем более, прилечь, вы бы сразу поняли, почему увезли тот, который здесь был до того, несмотря на то, что он тоже был новый и шикарный. Этот... Это... Этот был из мягкой кожи, тонкой, но очень прочной. И сам он был мягкий, податливый, вроде как бесформенный. Но при этом, он всегда принимал такое положение, что мышцам не находилось никакого применения, и тело повисало в блаженстве, как в невесомости. На нём было удобно всё: сидеть, лежать, полулежать, развалиться, растянуться, съёжиться, скукожиться, раскинуться, откинуться, вытянуться, разбросаться, разметаться и так далее, и так далее, и тому подобное... Совершенно понятно, что диван для Саньки был центральным местом в квартире. Хоть прилечь, хоть присесть — на диван! Справа и слева от дивана расположились два таких же кресла. Вот гостей-то, как раз, больше привлекали именно они. А так как гостей больше двух человек не бывало, всем в аккурат хватало по целому мягкому месту. Гости, впрочем, бывали редко. Поэтому обычно на левом кресле располагался я.

Напротив дивана стоял большой телевизор, а за ним — окно. В окно смотреть было нечего. Там был виден только дом напротив. Единственная радость, исходившая из окна, это когда мы с хозяином несколько раз приходили домой не слишком поздно, и уже сумеречная комната вдруг наполнялась ярким оранжевым светом. Этот волшебный свет преображал всё, находящееся в комнате, выделяя контуры и поражая контрастностью света и тени. А было это заходящее солнце, отражённое от окон дома напротив. Но в основном, приходили мы, когда уже было темно, и окно сразу же занавешивалось. Поэтому смотрели в телевизор.

Смотреть в телевизор было не намного лучше. Там показывали фильмы, очень похожие друг на друга, и казавшиеся одним долгим фильмом, растянутым на всю жизнь. Все они очень красиво начинались: под красивую музыку показывали красивые виды природы или космоса, а когда титры заканчивались, вдруг всё начинало взрываться, стреляться, кусаться, и всё становилось перепачканным в крови. На титрах в конце опять шла музыка, уже более ритмич-

ная и задорная, поскольку весь этот ужас закончился, но здесь Санька переключал на другую программу. За всё время я помню только один хороший фильм, и то, Саньку заставила его смотреть девушка, которая оставалась, как ни странно это, до самого утра. Там была молодая женщина, у которой были изящные платья и очень красивое нижнее бельё. Она то целовалась, то ругалась с мужем, а потом уходила и где-нибудь грациозно освобождалась от всей своей великолепной одежды. А тёрлась об мужчин уже голиком. Это не интересно... И ещё было приятно, что за русским переводом была слышна родная итальянская речь. Но это было всего один раз. Потом эта девушка приходила ещё, но смотрели они уже совсем другие фильмы. Там всё больше как раз голиком, а одежда совсем не интересная. А ведь были же хорошие передачи, ведь были же, очень хорошие. Там показывали, как красивые девушки ходят по узкой длинной сцене и демонстрируют развешенную на них очень красивую одежду. Эта одежда была и изящна, и элегантна, она была просто произведением искусства. Наслаждаться этим можно бесконечно! Ну почему бы не посмотреть на эту прелесть!.. Но если и натёкался Санька на такую передачу, переключая бесконечное множество программ, то больше минуты на ней не задерживался, а включал соседнюю, где уродливые узкие длинноносые машины-самолёты с выносными колёсами вместо крыльев гоняют друг за другом по одному и тому же кругу.

А чаще всего Санька смотрел про свою работу. Ну, в смысле, не про то именно место, где он конкретно работал, а вообще про такую же работу где-нибудь в других местах. Там тоже в основном были всё цифры, цифры... Работа у Саньки была, на мой взгляд, какая-то однообразная и скучная. Хотя для него она и была иногда очень азартной. Но, всё равно, я не любил его работу. Там преимущественно были одни мужчины. И все в пиджаках. А они... ну... разные, конечно, все, но... вычурные все, как правило..., с гонором..., с претензиями... А один вообще... наглый такой, почти жёлтый, яркий... задавала... И хозяин его вечно к моему Саньке приставал. Мужчины эти всё всматривались в свои мониторы, а потом быстро-быстро что-то набирали на клавиатуре и радовались. А если ничего не набирали, то расстраивались. Хотя, нет. Иногда и наоборот. Расстраивались, если набирали, и радовались, если не набирали. Да кто их там разберёт. Всё путано как-то. Лексикон их общения по работе был довольно скуден, но всё равно не понятен. Например, слово «Лизинг», которое в основном употреблялось в отношении пышной груди и упругой попки стройной секретарши Лизы, оказалось, используется и в их деловых разговорах, но в каком-то другом непонятном смысле. А слово «котировка» относится не к котам и кошкам, как хотелось думать сначала, а к каким-то бумагам. Причём, эти бумаги были очень ценными. Настолько ценными, что никто не знал, что с ними делать. Они то хотели их продать, то их же купить обратно. А ценны они, видно, были настолько, что их даже не показывали никому, продавали так, за глаза.

Зато как интересна для меня была долгожданная за весь день вечерняя жизнь Саньки! Это стоило того, чтобы ждать весь день. Домой он не спешил, и сразу после работы возвращался крайне редко. Как правило, мы ехали ужинать в ресторан или какое-нибудь другое красивое место. Машина у Саньки была шикарная, просторная. Когда на улице было жарко, в ней — прохладно, а когда на улице зябко, в ней — тепло. Всё внутри, что должно было быть мягким, было сделано из прекраснейшей мягкой кожи, а всё, что должно было быть твёрдым, — из твёрдого как кость дерева. А то, что не должно быть твёрдым, но и не должно быть мягким, — из поразительного материала, который по сравнению с резиной казался пластиком, а по сравнению с пластиком — резиной, поскольку удивительным образом сочетал в себе жёсткость пластика с упругостью резины. Ездил она, эта замечательная машина, очень быстро, но при этом основательно, даже степенно, что ли. Просто восхитительная машина. И Саньке она тоже очень нравилась. Он её любил и ухаживал за ней, всё время возил её в мойку и химчистку. А она в ответ никогда его не подводила.

Ужинать мы ехали не сразу. Сначала катались по городу. Определённого маршрута у него, пожалуй, никогда не было. Иногда он вставал в бесконечную очередь по главным цен-

тральным улицам, и тогда преимущественно смотрел по сторонам. Но чаще — ехал туда, где меньше машин, и от этого маршрут становился непредсказуемым, а следовательно, захватывающим и навевающим предвкушение новых ощущений.

Смотреть за окно машины всегда интересно. Когда погода хорошая, замечаешь много нюансов в прохожей одежде. Вот вам, допустим, какие больше юбки нравятся? Короткие или длинные? Мне — длинные. Короткие, как правило, делаются из более плотной ткани. А длинные как раз наоборот. А ткань, она, ведь, чем тоньше, тем причудливее и легче развевается во время ходьбы, а в сочетании со светом даёт значительно больше эмоций её восприятия. При мягком встречном свете уставшего к вечеру солнца упоительной становится игра прозрачности с непрозрачностью, усиленная способностью света поглотить или преумножить цвет в зависимости от угла падения. Но ещё больше я люблю низкий яркий фронтальный свет, когда ткань играет множеством оттенков, появляющихся от её же собственных движений.

А если же погода дождливая, то капли на стекле умопомрачительно преобразуют свет раньше времени зажигающихся огней. Вы помните, как эти капли играют с нарядными жёлтыми, белыми и красными огоньками, вытягивая их с непредсказуемостью собственной формы. И каждая капелька стремится отразить как можно больше окрестных огоньков. И весь этот искристый хор лучистых солистов разворачивает в душе такую музыку, что дождь становится самым желанным праздником.

Покатавшись какое-то время по городу, Санька в конце концов останавливался около какого-нибудь привлёкшего его внимания заведения. Случалось, конечно, что куда-нибудь он заходил уже не в первый раз, но такие повторы были приятны, поскольку места эти были приятны. Если же он ехал не один, а с приятелем, например, или с девушкой, то обязательно в то место, которое знал, и которое ему нравилось.

Ресторанный церемониал я очень любил. Неторопливость и спокойствие. Спокойствие и неторопливость. Мне льстили оценивающие взгляды барменов, официантов и просто посетителей. Да и всякие платья красивые... Когда Санька был один, мы были с ним заодно, как бы одним целым. А когда не один, нам было хорошо порознь. Он был увлечён собеседником, а я с интересом изучал жизнь вокруг. Их разговоры были для меня не интересны, да и слова всё какие-то путанные, как на работе. Это сейчас я знаю много разных слов. А тогда знал значительно меньше. Но иногда и эти путанные слова возбуждали романтическое настроение. Например, когда он говорил приятелю: «Серёга, но ты же понимаешь, что это подстава...», я замечал, что в тоне его проскальзывало не очень хорошее отношение к этой самой подставе. А я недоумевал, почему? И всё время хотел хоть одним глазком увидеть её. Это же не какая-нибудь подставка, думал я, которая стоит на столе или опирается на что-нибудь. Она непременно стоит на полу, высокая, красивая, и ни на кого не опирается. И держать она должна что-то очень важное и ответственное. Но, при всём разнообразии роскошных предметов, окружавших нас, не мог её найти. И тогда я надеялся, что может быть, она просто прячется от меня, заигрывая таким образом? Конечно, это было не так, но мне хотелось верить, что это именно так. И я снова и снова принимался искать её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.